

*«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много,
а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы,
чтобы выслал делателей на жатву Свою»
(Мф. 9:37-38)*

Цирк

Все лето в Иркутске работал цирк шапито. Он разворачивал свой шатер в конце апреля, когда еще было прохладно по ночам. Место его работы было неудобным, но площадку под шатер чиновник отдела пропаганды Горисполкома отвёл прямо под стенами главной городской Крестовоздвиженской церкви. Перед вечерней службой звонил церковный колокол, собирались прихожане, а его звуки заглушала зазывная цирковая музыка. У входа в цирк прохаживался загримированный клоун в чудовищных сценических громадных ботинках. В ларьках продавалось пиво, рядом образовалась толчея подвыпивших граждан, много инвалидов войны. «Культурный» отдых граждан, цирк и пиво должны были заместить вечернюю службу в храме, отвлечь от религии. Шел 1954 год.

В один субботний день на площадке перед цирком собралось особенно много народа: отпускники горожане, колхозники, приехавшие купить для детей школьные принадлежности и одежду, обувь. Удивленный крик привлек внимание всех:

— Смотрите, смотрите, что она делает?

Взгляд присутствующих обратился на высокую колокольню храма. По скобам, вделанным в узкую иглу церковного шпиля, в сторону маковки храма карабкалась женская фигура. Она перемещалась не спеша, закрепляла карабин страховочного пояса. Через некоторое время добралась до купола, открыла дверцу люка, и оказалась на вершине, рядом с крестом, который заметно наклонился после землетрясения. Публику приглашали в шатер на представление, но никто не спешил, все взгляды были обращены вверх. Завсегдатай пивного ларька пояснял собравшимся:

— Это Татьяна, мы её знаем. Она наняла двух гимнастов из цирка, привычных к работе под куполом. На трапециях раскачиваются, перебрасывают партнершу. Поручила закрепить крест на куполе надежней, обещала хорошо заплатить. Они забрались наверх, но схалтурили: крест выпрямили, однако не закрепили. Ведь у них даже инструмента не было. Крест может свалиться. А сегодня потребовали в церкви деньги. Женщина эта отвечает за выполнение работ. Отказала оплачивать. Циркачи скандалили, сказали:

Крестовоздвиженский храм. Иркутск.

колами. В толпе зрителей раздался вздох облегчения. Посетители поспешили на представление. Циркачи, размахивая руками, скрылись в служебном помещении.

Автор был в те годы второклассником, и меня потрясла решительность и храбрость героини. Решил посмотреть на неё поближе. Подошел к группке людей, окруживших её во дворе храма. Оказалось, что смелую женщину я хорошо знаю, это подруга моей мамы, мы с ней часто встречались. Её имя Евфратова Татьяна Павловна. Она бывала у нас дома. Моя бабушка, портниха, шила для неё платья и юбки. Увидев меня рядом, узнала, погладила по голове, а я спросил:

— Вам было очень страшно?

Она ласково улыбнулась и показалась такой красивой и смелой, что я покраснел от радости. Ответила:

— Очень страшно.

Эта встреча явилась знаковой для меня, в то время мальчика. Большую часть жизни я всегда чувствовал её участие в моей судьбе. Однако, обо всем по порядку.

Православная община

В описываемые годы, в середине пятидесятых прошлого века, в период междувластия и внутрипартийной борьбы, Православной церкви стало немного легче существовать: работали храмы, из ссылок и тюрем, вместе с другими заключенными, вышли уцелевшие клирики. Это было уникальное время. Впервые при советской власти была напечатана Библия и отдельным изданием Новый завет. В каждом экземпляре изданной Библии цензорами была проставлена чернильная печать: «Недозволенных вложений нет». Опасность от партийного руководства для верующих людей, тем не менее, присутствовала по-прежнему. У большинства людей не было телевизоров, их продавали по разнарядке, видным партийцам, профсоюзным лидерам, передовикам производства. Обычные люди ценили непосредственное теплое широкое общение, нормой являлось взаимодействие друзей. В выходные и праздничные дни собирались на квартирах друг у друга по очереди. Где-то выпивали, пели советские песни, иногда читали книги и газеты вслух, обсуждали текущие события.

Моя мама обычно бывала у наших соседей, где часто собирались общие друзья. Всех их объединяла православная культура. Круг друзей был достаточно широк.

Посещал друзей иркутский протоиерей о. Николай Понамарев, яркая личность, отметивший в 1953 г. пятидесятипятилетнюю годовщину служения, с ним обычно была красавица дочь Фаина, певица, и её муж, церковный регент Зосима Александрович Шастин. Постоянными посетителями была молодежь, девушки, подруги хозяйкиной дочери, Натальи Владимировны. Лидия Васильевна Щапова, музыкальный работник, 45 лет работала регентом, позже приняла монашество. Екатерина Ефимовна Просолова, в замужестве Евтихеева, стала матерью четырех иеромонахов, один из них стал епископом, перед кончиной приняла схиму. Ольга Ивановна Ленская — жена священника, 45 лет прослужила на клиросе.

Приходил известный в городе врач, Николай Васильевич Шилов, сотрудник лепрозория, лечивший прокаженных. Глубоко верующий человек.

Встречи проходили в гостеприимном доме Евтихеевых. Хозяйка, Мария Михайловна, была весьма хлебосольна, прекрасно готовила, любила и умела угощать гостей. На столе были простые, очень вкусные блюда, самодельные наливки, но ими не злоупотребляли. Её поддерживал муж Владимир Владимирович, заслуженный железнодорожник, награжденный во время войны орденом Ленина за самоотверженную работу по обеспечению работы дороги. Присутствовали сыновья хозяев: Михаил и Владимир. В этой семье любили читать, имели небольшую библиотеку.

Семья Евтихеевых и близкие. Слева направо: дочь Наталья, сын Михаил и его жена Нина, Мария Михайловна, её подруга Клавдия Шарунова, дочь Александра, студент Александр Мень.

Собравшиеся, дружная община, вели беседы на духовные темы. Каждый мог высказаться в меру своей осведомленности в рассматриваемом вопросе, проявить начитанность. Иногда спорили, и тогда решающее слово арбитра оставалось за о. Николаем, образованным, эрудированным священником с дореволюционным опытом служения, прошедшим аресты, ссылки. В епархии, при отсутствии епископа, он его замещал как благочинный, администратор.

Среди гостей особенно выделялась Татьяна Павловна Евфратова, сорокалетняя интеллигентная женщина со спокойным внимательным взглядом, красивой осанкой, высоко поднятой головой со скромным прямым пробором темных, с легкой проседью волос. Она выделялась изяществом в движениях и ненавязчивой вежливостью, привлекала внимание. Встретив её, люди старались оглянуться вслед.

Т. Ефратова.

Она легко включалась в беседы, при этом в её всегда содержательной и логичной речи чувствовалось истинное благородство, его высшее состояние — достоинство, в основе которого лежит священный долг исполнителя Божественного предназначения. При этом Татьяну Павловну отличали величественная простота, спокойствие, строгость и плавность. И полностью отсутствовала экстравагантность. Татьяна Павловна время от времени подключалась к беседе, когда нужно было сделать нетривиальный вывод. В общении с ней проявлялся определенный уровень консервативной женщины, однако она отлично вписывалась в современные ей реалии. При этом опиралась на вечные ценности, проповедуемые Православием.

Её знаниям, словарному запасу можно было только позавидовать, и всё благодаря начитанности и стремлению к саморазвитию. Всегда говорит прямо, не манипулируя, не использует намеков. Православный дух её, проявляя одновременно силу и крепость, отличался определенной утонченностью, строгой художественной соразмерностью, красотой и добротой. К ней прислушивались.

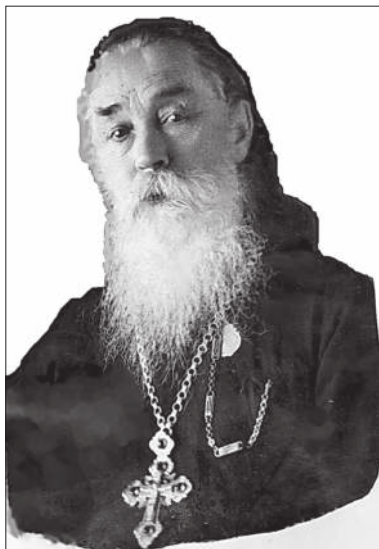
Внизу — протоиерей Николай Понамарев; рядом — Н.В. Евтихеева; верху — слева Е.Е. Прасолова, позже схимонахиня Елисавета.; рядом — Л.В. Щапова, позже монахиня Дионисия, регент хора. Фото 1954 г.

Беседы обычно заканчивались совместным пением духовных произведений. Для этого и собирались. Большинство гостей были музыкально одаренными, некоторые имели соответствующее специальное образование. Гости объединялись, формировался ансамбль из женских голосов, пели очень красиво. Исполняли избранные песнопения композиторов, классиков русской церковной музыки: Сергея Сергеевича Прокофьева, Александра Дмитриевича Кастальского, Дмитрия Степановича Бортнянского, Петра Ильича Чайковского, Сергея Васильевича Рахма-

нинова. Возникло заинтересованное обсуждение вопросов по теории хоровой церковной музыки. В этом случае беседу вела Татьяна Павловна. Регент, профессионал, включался в общий разговор, однако его роль не была ведущей. Татьяна Павловна первой из присутствующих изучила обстоятельный и глубокий труд Павла Григорьевича Чеснокова, который разработал теоретические проблемы хорового искусства, впервые в советской и мировой литературе по хороведению¹. Рассматривали ноты его светских произведений — пели романсы, песни. Выделялись солисты, сформировались дуэты, пели все вместе хором, а капелла.

Татьяна Павловна раскрыла для друзей малоизвестную в то время сторону творчества Г.В.

Свиридова, его «Песнопения и молитвы», написанные на церковные тексты, предназначенные для светского концертного исполнения. Все были поражены тем, как советский композитор, современник, использовал старинные литургические традиции, органично гармонируя их с музыкальным языком XX века.

Протоиерей Н.А. Понамарев.

Хороши были мужские голоса: и теноры и басы. В хоре выделялся слепой певчий-канонарх, тенор (один из певчих, стоящих на клиросе; возглашает глас и начала псалмовых стихов). Он знал службы наизусть. Весьма искусным был ансамбль женских голосов.

Противники партесного пения уверяли, что слушание сложного концерта отвлекает прихожан от общей молитвы, которая становится как бы вторичной в концерте. Татьяна Павловна осторожно рассуждала, считая, что в обиходном пении славить Господа допустимо и в концертном исполнении духовной музыки и на иностранных языках — сербском, греческом. Трогательно пропела Kirie-Elejson («Господи помилуй» по-гречески). Однако Церковь должна придерживаться канонического порядка. (Этот спор продолжается и в наши дни.) Обращала внимание на творчество Михаила Созонтовича Березовского, творившего в восемнадцатом веке («Слава в Вышних Богу», «Не отвержи мене в старости...», «Милость и суд воспою тебе, Господи», «Причастный» и др.). Его произведения отличаются

Протоиерей Николай Александрович Понамарев ранее преподавал церковное пение, заинтересованно обсуждал возможность включения в церковные службы партесного пения (близкого к концертному пению по хоровым партиям в храме). Не все соглашались с таким подходом, отставив необходимость сохранения традиционного православного осьмигласия. Батюшку поддерживала дочь, владевшая великолепным сопрано, и зять-регент. В Крестовоздвиженской церкви Иркутска был замечательный хор, куда приглашали профессиональных артистов музыкального театра. Во время войны в Иркутск были эвакуированы артисты ленинградских театров. Вернулись на родину после эвакуации не все. Часть осталась в иркутском театре. Некоторые артисты подрабатывали в церковном хоре. Приглашенные в храм певчие не все были воцерковленными, но ходили на спевки и службы, добросовестно пели за деньги.

¹Чесноков П.Г. — «Хор и управление им», Музгиз, 1940, 222 с. (множественно переиздано.)

простотой, доступностью, изяществом. Присутствовавших удивляла способность Татьяны Павловны участвовать в дискуссиях на равных со священником, регентом, клириками, при этом осознавая себя Женщиной.

На таких встречах поднимались вопросы, которые служителям Церкви негде было разрешать в сибирском провинциальном городе. Иногда к обсуждению подключались молодые люди (подробней будет о них сказано позже), служащие иподьяконами, псаломщиками. Они интересовались экфонетикой, как особым способом озвучивания текстов Священного писания в богослужении, то есть письменных текстов, изначально не предназначенных для пения. Особенность заключается в том, что такие тексты читаются нараспев, путём повышения и понижения высоты звука на отдельных слогах. Обучаться такому искусству можно было только у многоопытного протоиерея о. Николая и ещё одного участника, диакона о. Владимира Конопацкого.

Владимир Осипович Конопацкий — дьякон, с опытом служения с конца 19 века. Он прошел очень сложный жизненный путь. Работал на золотых приисках, преподавателем в гимназии, псаломщиком, диаконом в селах Косая степь, Верхолениск. Молодым принял участие в революционном движении 1905 года, за что был арестован в 1910 г. Отбыл годичное наказание по политическому делу в Иркутске. Окончил Иркутский государственный университет, работал учителем, краснодеревщиком, фотографом, пиротехником. После открытия Знаменской церкви в Иркутске служил певчим в хоре и псаломщиком. Попросил восстановить себя в сане диакона. Он был любезен со всеми, отзывчив. Внешне выделялся сильной худощавостью. Как одному из самых образованных священнослужителей диакону о. Владимиру поручалось читать проповеди в храме в особо торжественные дни. О. Владимиру участвовал в беседах, высказывая весомые и мудрые мнения, советы.

Слушать суждения, полемику специалистов было очень интересно, они сопровождалась чудесными демонстрациями образцов исполнения. Кто-то сохранил старинные пластинки с духовными песнопениями. Там были записаны рождественские, крестовоздвиженские ирмосы и другие песнопения. Восторгались голосом Константина Васильевича Розова, великого архидиакона Успенского собора Московского Кремля. В то время духовной литературы было мало. Татьяна Павловна доставала у своих многочисленных знакомых дореволюционные и самиздатовские церковные и духовные книги, делилась находками, и доверяла их, в общем-то, всем желающим. Татьяна Павловна давала необходимые пояснения, советы, которые читатели воспринимали очень глубоко и живо.

Студенты-Москвичи

В 1955 году семья Евтихеевых приютила в своей квартире двух молодых студентов. Они приехали учиться в Иркутском сельскохозяйственном институте на отделении охотоведения. Н.С. Хрущев, руководитель СССР, распорядился приблизить практику обучающихся к месту сосредоточения изучаемого производства. Студенты-охотоведы из Москвы поехали учиться ближе к тайге.

Ребят привела к Марии Михайловне Евтихеевой Татьяна Павловна, рекомендовала и упросила поселить москвичей на время учебы у себя дома. Московские друзья Татьяны Павловны знали об её отзывчивости, внимательности, стремлении вникнуть в суть проблем, ценили заботливое отношение, и не ошиблись. Алик и Глеб появились с тяжелыми чемоданами, набитыми редкими книгами.

Алик Мень выглядел необычно для советского молодого человека: носил аккуратную черную бородку, так было принято у охотоведов на факультете, выделялся полувоенным френчем. Глеб Якунин запомнился яркой рыжей прической-канадкой.

А. Мень.

В студенческой среде Алик всегда был душой компании. До сих пор охотоведы распевают сочиненные им в пору студенчества песни («Неолитическую», «Биолого-охотоведческую» и другие). В институте учился увлеченно, биологию изучил досконально. Его знания не ограничивались рамками эволюционного учения. Интересовался альтернативной дарвиновской эволюционной концепцией номогенеза академика С. Берг, трудами биологов Н.В. Тимофеева-Рессовского, А.А. Любищева, Тейяра де Шардена и другими идеями, о которых не упоминали преподаватели. Это было опасно, ведь генетика была запрещена всемогущим президентом Всесоюзной академии сельхознаук, лжеученым Т.Д. Лысенко. Новостями биологической науки студентов дозированно снабжал основатель сибирской научной школы охотоведения профессор Василий Николаевич Скалон. Квартира Скалонов в Иркутске по ул. Франк-Каменецкого являлась одновременно консультационным центром, ученым советом и гостиним двором. Профессор по-отцовски всех выслушивал, давал ценные советы по возникшим проблемам.

Студенты легко влились в сложившуюся у Евтихеевых православную общину. Татьяна Павловна поддерживала молодых парней, поощряла свободно высказывать свое мнение, а они поражали глубиной суждений. Ребята и между собой часто горячо спорили по вопросам православия, и не только. Александр Мень ранее воспитывался в своей семье под воздействием московской общины катакомбной церкви, позже признавшей Патриарха. Его взгляды уже в ранние студенческие годы отличались широтой, самостоятельностью мышления и оценок. Именно у Евтихеевых, студентом, он создавал свой знаменитый труд «Сын Человеческий». В сферу его обширных интересов входили буддизм, ислам и другие религии, что позволило позже написать труд по истории религии. Оба друга обладали энциклопедическими знаниями, несмотря на молодость.

Глеб Якунин — личность весьма противоречивая с ортодоксальной точки зрения. В студенчестве, будучи православным верующим, увлекся антропософией Рудольфа Штайнера. В последние дни своей мятежной жизни Глеб Павлович признавался автору, что антропософия определяющим образом повлияла на его

Г. Якунин.

мировоззрение. Глеб пытался разобраться в Теософии Блаватской, оценить и понять Ницше. Подлаживаясь и где-то угодничая перед враждебными Церкви и её Преданию философскими учениями, он попал в круговорот ложных понятий. Его крепкая натура, пылкий темперамент позволяли ему видеть и критиковать противоречивые церковные и государственные проблемы, ввязаться в диссидентство, бороться за права верующих, за независимость РПЦ от государства. Поэтому ему пришлось пострадать. Его дважды отлучали от Церкви. Он провел семь лет в заключении при Брежнев, отбывал ссылку. Умудрился похитить и опубликовать засекреченный документ «Законодательство о религиозных культах»². В качестве депутата заседал в Государственной думе РФ.

Глебу Павловичу не удалось избежать опасности «впасть в прелесть», он скорее стремился привести людей к себе, а не к Церкви. Чтобы избежать такого отождествления себя с Церковью, служитель должен постоянно подчеркивать: «я — это не Церковь». Священник-расстрига Глеб Якунин попытался создать «свою» Церковь. А это — раскол. Он стал самым настоящим ересиархом — основателем новой ереси.

Отец Александр, близкий друг Глеба, такого мировоззрения не разделял. В своей книге «О себе» (Москва, 2007) А. Мень пишет: «диссиденты — это церковные раскольники, оппозиционеры церковные, а вовсе не политические... позиция ими была занята крайняя». Их пути разошлись.

В студенчестве, во время пребывания москвичей в Иркутске, Татьяна Павловна была ангелом хранителем, наставником, учителем, в значительной степени повлиявшим на формирование личностей молодых людей: в будущем известного священника-богослова и не менее известного диссидента. Все застойные годы с риском для себя она занималась религиозно-просветительской деятельностью.

Для среды иркутских духовных единомышленников и единоверцев общение с ней было тем субстратом, на котором взращивались неординарные личности. Господь одарил её редчайшим талантом, послал на нашу землю с явной миссией. Многие иркутские священники обязаны ей своим духовным развитием, образованием и избранием пути.

Семья Евфратовых

Татьяна Павловна имела много знакомых, встречалась с ними, но близких друзей не заводила. Она старалась быть осторожной. При знакомстве с неизвестным человеком интересовалась: «А он порядочный человек?» Как выяснилось позже, этому научила её жизнь. О родителях, детских годах, личной жизни, своем прошлом она никому не рассказывала. Лишь в последние годы жизни поделилась сокровенным с самой близкой подругой, монахиней Феодосией (врачом-педиатром Татьяной Васильевной Шиловой).

Анна Капитоновна Кочкина (монахиня) сохранила ценные семейные документы семьи Евфратовых. Сейчас их демонстрирует в маленьком школьном музее учитель Михаил Викторович Воронов, житель поселка Листвянка, где вторую половину жизни провела Татьяна Павловна.

Документально установлено, что родители её были из аристократической се-

²Это законодательство религиозные деятели, священнослужители, должны были выполнять, но с текстом ознакомиться не могли, документ был под грифом «для служебного пользования».

ми. Отец, Павел Николаевич, — инженер-маркшейдер. Работал над созданием Транссибирской магистрали в конце XIX, начале XX веков в должности старшего технолога. В то время решались грандиозные технические задачи: проводился экономически целесообразный выбор направления магистрали. Один вариант предусматривал прокладку путей через крупный сибирский город Томск. Здесь возникли определенные технические трудности, которые должны были решить горные инженеры. Вокруг Томска и сейчас много болот. Второе направление планировали выполнить южнее, пересекая мостом широкую реку Обь в районе деревеньки Ново-Николаевск (будущий Новосибирск). П.Н. Евфратов принимал участие в основательной проработке обоих вариантов. Его труд был по достоинству оценен: уважаемый инженер П.Н. Евфратов в 1895 году получил от Томского губернского управления за свои труды и общественную деятельность потомственное звание «Почетный гражданин г. Томска».

Мать Татьяна Павловны, Романовская Лидия Дмитриевна, дочь государственного чиновника, обучалась в Екатеринбургской женской гимназии. По её окончании, в 17 лет продолжила обучение в Пермской Мариинской женской гимназии, которую окончила через три года, в 1891 году с прекрасными результатами. Получила право работать преподавательницей. Замечательно учительствовала в женских гимназиях. Через десять лет добросовестный труд молодой учительницы был отмечен серебряной медалью «За усердие». Медаль носилась на груди, на красной муаровой Александровской ленте (названа в честь благоверного князя Александра Невского). Лидия Дмитриевна вышла замуж за видного инженера П.Н. Евфратова, родила двух девочек и сыночка.

Обычно аристократы стараются всё лучшее, что накоплено родом, бережно и без искажений передать детям и добавить своё, индивидуальное, чтобы усилить и укрепить род. Дети росли в атмосфере не только красоты, но и благочестия. Жизнь семейства Евфратовых отличалась патриархальной строгостью и неукоснительным следованием православным обычаям. Дружная православная семья заложила основы того душевного здоровья, которое помогло детям развиваться. Дети получили замечательное домашнее образование. Яркая черта выделяла Татьяну в детстве: жажда знания, желание учиться. Это стало ключевой первопричиной становления мировоззрения, жизненного уклада, повлияло на выработку поведенческих стратегий и зарождение перспективных здравых идей. Фактор происхождения, социальный статус семьи, безусловно, важен для формирования личности и влияет на ключевые элементы будущей деятельности каждого человека.

Аристократичная Лидия Дмитриевна привила детям изысканность, утонченность поведения, чувство собственного достоинства, благодаря которому никому не позволялось обращаться с собой не тактично, сохранять репутацию при любых обстоятельствах. Научила музыке, основам французского и немецкого языков, искусствам. Сын пошел в мать, многие годы преподавал иностранные языки в Московском институте иностранных языков. Родители привили детям высшее состояние благородства, чести и достоинства, в основе которых лежит священный долг исполнителя Божественного предназначения.

Дочь

Дочь Татьяна родилась в день Рождества, 25 декабря 1913 г. Её детство прошло в беспокойные послереволюционные годы. В детстве она жадно училась, у

Татьяна Евфратова.

родителей. При этом держалась ближе к отцу. Выделялась исключительными способностями, обладала огромной памятью, отличалась ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью.

С отличием окончила школу и выбрала для дальнейшего обучения техникум путей сообщения, строительное направление, не типичное для девушек. Сказалось влияние и близкое общение с отцом. Получила профессию архитектора-строителя. Отец приучил её к мысли, что настоящий инженер — это творец, чей труд остается на длительное время, на века, памятником таланту творца. Как железнодорожная магистраль, например, проложенная между поселениями в тайге, степях, болотах, горах. Это не только рельсы и шпалы, но и мосты, тоннели, станционные здания, водонапорные башни, система сигнализации, ремонтные депо и подвижные составы. К самостоятельной работе приступила в 1933 году.

Дочь гордилась своим отцом, тоже хотела творить, строить, создавать, улучшать жизнь людей. Её устремления совпадали с общим настроем молодых людей того времени. Однако Татьяна быстро убедилась в том, что разрушительный фактор в новом обществе во время его становления преобладал над творчеством: уничтожалась сложившаяся великолепная культура России, разрушались межличностные отношения, свободное общение, преследовалось инакомыслие и т.д.

Ближе к середине тридцатых годов Татьяна вышла замуж по большой любви за очень интеллигентного человека. О нем известно мало: его звали Леонидом, и он был ответственным работником. Вместе они составляли очень красивую пару. Татьяна Павловна вспоминала, что с супругом она могла вести сердечный диалог. У них полностью совпадали взгляды на важные для каждого вещи, и они могли доверительно, спокойно и уважительно их обсуждать. Это, прежде всего, касалось проблем любви, чувств, отношения к вере, Церкви, к дружбе, теме милосердия и многому другому. У них рождались замечательные мечты, строились планы. К сожалению, счастье длилось недолго. В конце тридцатых по навету власти арестовали и уничтожили мужа Татьяны Павловны.

Она никому не рассказывала о том, что пришлось пережить в это время. Своей верой, стойкостью и терпением лишений и скорбей молодая вдова разделила участь любимого мужа, становясь, в сущности, тоже бескровной мученицей.

После окончания учебы отличницу Татьяну Евфратову направили на работу в конструкторское бюро, где в это время проектировали строительство здания администрации правительства Иркутска, Дома Советов (официальное название здания). Она включилась в интересную работу. Будущее строительство позволяло проявить творческий потенциал молодого специалиста.

Но всё складывалось неудачно. Вокруг ведущегося проектирования и строительства престижного здания развернулась борьба амбиций архитекторов из Иркутска, Новосибирска, столичных специалистов, партийных руководителей. Сохранилось много вариантов архитектурного решения проекта, большинство отличались помпезностью, вычурностью, сложностью решений. Правительство

области сочло представленные варианты зданий, перегруженные колоннами, ротондами, «буржуазными». Это было неприемлемо для советского учреждения. Строительство здания Дома Советов растянулось с 1938 по 1959 год и стало историей сломанных карьер и судеб талантливых специалистов. Первый вариант забраковали, а руководителя проекта арестовали и расстреляли в конце 30-х.³

В 1932 году в Иркутске взорвали величественный кафедральный собор во имя Казанской Божьей Матери, уничтожили множество архитектурных памятников старины. Город, униженный и ограбленный, потерял свое лицо, свой своеобразный стиль. Храмы, памятные часовни, ворота формировали его, всё было к месту. Город в течение двух с половиной веков строил свою уютную мещанскую городскую среду. Власть большевиков придавала большое сакральное значение Дому Советов. Сложившиеся культовые сооружения, удачно доминирующие в композиции центральной площади, слепые безграмотные невежды потребовали разрушить и утвердить новые «духовные» приоритеты⁴.

Столкнувшись с реалиями, Татьяна рассталась с юношескими представлениями. Её архитектурные амбиции, планы теряли перспективы. В то время было легко потерять себя, однако молодая женщина имела прочный стержень — православную веру. Она верила в поддержку Христа. Ведь Он сказал: *«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»*. (Ин. 16:33). Решила: Бог поможет победить и нам, если останемся Его учениками.

В 1943 году в Иркутске возобновилось служение в единственном Крестовоздвиженском храме. Татьяна Павловна регулярно посещала храм, она не скрывала свою веру, все знали, что она исповедуется, причащается, что около нее группируются молодые люди. Это расценивалось как необыкновенная смелость. Здания открывающихся иркутских храмов находились в плачевном состоянии, требовали ремонта. Собор Знамени Пресвятой Богородицы был частично разрушен. Здесь разобрали стену, обращенную к Ангаре, для того, чтобы отремонтировать двигатели гидросамолетов. Самолет помещали в отверстие разрушенной стены. После передачи храма Церкви требовался капитальный ремонт. Основные расчеты, сметы, чертежи готовила Т.П. Евфратова. Городские инженеры опасались браться за такую работу из-за возможных репрессий со стороны властей. Она же курировала производство работ. К ответственной деятельности по восстановлению храмов её привлек в 1944 г. протоиерей Феофил Сизой, клирик довоенного посвящения. Городские власти поручили ему решать хозяйственные и финансовые вопросы Крестовоздвиженской церкви, вести отчетность перед финотделом во время войны и некоторое время после.

После окончания Второй Мировой Войны г. Иркутск, как и вся страна, продолжал жить напряженной жизнью. Город заполнили вчерашние бойцы-инвалиды, требующие длительного лечения. Многие школы Иркутска, превращенные

³Происходила отчаянная борьба между архитекторами из центра страны и иркутскими специалистами. На работе было опасно высказывать свои предложения, требовалась лишь осмотрительная исполнительность. Исчезали специалисты, появлялись и сменялись новые руководители проекта. Это сдерживало темпы проектирования, оно растянулось на многие годы. В конце концов, утвердили безликий проект, максимально упрощенный вариант тоталитарной неоклассики в центре города — здание Областного комитета КПСС (позднее Областной администрации, Серый дом). Здание построили по проекту архитектора К.И. Гурьева лишь в 1959 г. В начале 50-х годов отстроенное кирпичное здание дало широкую трещину, ровно посередине, где сейчас расположен центральный вход. Трещина зияла около двух лет, пока не укрепили фундамент, провал заделали.

⁴Лисицын В.Г. Иркутский Дом советов. — Иркутск: Вестник Иркутского Гос. Технического университета. 2004.

во время войны в эвакуогоспиталях, были заполнены больными, умирающими и выздоравливающими. Не один месяц требовало лечение боевых травм. Городские власти осознали необходимость организации в Иркутске специализированного лечебного учреждения по оказанию лечебной и консультативной помощи гражданскому населению с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. В 1948 году на должность директора Иркутского института восстановительной хирургии назначается Зоя Васильевна Базилевская. Она, ровесница века, родилась в семье священника, где главными словами были милосердие, человеколюбие, долг и дело — то, что требует и медицина. Начало её административной работы совпало с трудно разрешимой организационной проблемой. В конце 40-х Институт Травматологии и Ортопедии занимал комплекс разрозненных ветхих двухэтажных зданий: купеческий дом — бывшая похоронная контора, здание ломбарда и крупный эвакуогоспиталь в помещениях общеобразовательной школы № 13 (сейчас лицей № 3). Все помещения были заполнены ранеными-инвалидами.

В начале 1949 года поступил приказ И.В. Сталина, предписывающий срочно освободить школьные здания и использовать их по назначению. В июле исполнители приказа вынесли из школы научное и лечебное оборудование института во двор, здесь же, на свежем воздухе, разместили койки тяжелых больных, оснащенных грузами растяжки. Институт перестал существовать, имелся только юридический статус. Проблема требовала немедленного решения.

Вот здесь пересеклись жизненные пути профессора З.В. Базилевской и инженера-строителя Т.П. Евфратовой. Директор знала о таланте архитектора, доверяла ей как порядочному человеку, пригласила Татьяну Павловну для проведения реконструкции комплекса зданий института и их полной перестройки. Архитектор предложила увеличить число этажей имеющихся строений, соединить их между собой вновь возводимым центральным зданием. В самые короткие сроки, днем и ночью разрабатывали проект реконструкции. И начались строительные работы. Однако все необходимые согласования не успевали получить. Всё складывалось непросто. Неожиданно в одном старом здании рухнул деревянный потолок. Проект пришлось переделывать, объём работ увеличился. Городские власти помогли избежать уголовных преследований.

Татьяна Павловна проводила многие часы на стройке, контролируя исполнение задуманного. Уже через год, в 1950, здание института приняло современный вид: с просторными палатами, операционными, лабораториями, административными кабинетами. И сейчас жители города узнают здание Иркутского научного центра хирургии и травматологии (ранее НИИ травматологии и ортопедии) по приметным признакам. По выступающей в центре полуротонде, по символу медицины — большой гипсовой вазе со змеей на ней. Внутреннее решение интерьера, основой которого является роскошная лестница, светлые, широкие коридоры говорят о таланте создателя проекта. Архитектура сохраняет во времени замысел автора — Т.П. Евфратовой, характер её дарования.

В послевоенные годы церковно-государственные отношения носили «нейтрально-ограничительный» характер. Органы безопасности, конечно, проводили с ней тяжелые «беседы». Но «собеседники» никогда не допускали с ней непристойных шуток, достаточно распространенных в таких местах. Чекисты считали какой-то необходимостью иногда злобно, порой с грубым добродушием, поиздеваться над «опиумом». Татьяна Павловна умело сохраняла чувство собственного достоинства. При этом не использовала в общении колкостей, избегала пустой

болтовни, никогда не обижала слабого и нуждающегося. Даже если её провоцировали на конфликт, добавляла в голос немного требовательных ноток, и спокойным, уверенным тоном объясняла, что она делает. Сила духа и воспитанность позволяли отстаивать свою точку зрения и достоинство без агрессии. Чувствовалось, что её самооценка не завышена и не занижена, что она высокообразованный и высоконравственный человек, принципиальный в решении профессиональных вопросов и проблем церковной жизни, умеющий отстаивать своё мнение в споре. Это патриот, горячо любящий свою Землю, свой город, стремящийся к сохранению национальной культуры и национального самосознания, увеличению благосостояния народа и желающий ему мира и процветания. Другими словами, она воспринималась людьми как личность, уровень ответственности которой соответствует высокому Божественному предназначению. Она умела себя так поставить с органами власти, что каких-то особых репрессий никто не чинил. Становилось очевидным, что она ничем не отличается от окружающих и одновременно отличается всем.

Главное дело жизни

В феврале 1949 года в Иркутск был назначен Владыка Палладий (Шерстенников), епископ Иркутский и Читинский, позже и Хабаровский. Он провёл восемь лет на каторжных работах в рудниках Колымского края и возвращён к служению. Очень был измождён — взрослый мужчина имел вес меньше сорока килограмм. Судимость с него сняли значительно позже, он не мог посещать крупные города страны. Умный, проницательный, осторожный и дипломатичный епископ хорошо разбирался в людях. «С приездом епископа жизнь епархии существенно оживилась. Он был молодой, очень деятельный. Быстро налаживал духовную жизнь. Ремонтировал, реставрировал, строил, делал росписи, к большой радости Иркутской общины верующих...», отмечал современник. Советские граждане настойчиво требовали от коммунистических властей открытия новых приходов, но в основном без последствий. Владыка приступил к восстановлению епархии, очень нуждался в помощи специалистов из разных областей деятельности, которым можно было доверять. Особенно он ценил в людях искренность, как способ существования и общения человека с миром. Считал, что искренний человек осознаёт себя проводником Божественной Воли. Это осознание сопровождается ощущением чистоты и эффективности.

Разрушенные храмы нуждались в основательной реставрации. Татьяна Павловна была представлена Владыке, и с тех пор они активно сотрудничали. В это время Татьяна Павловна работала инженером в Институте травматологии и ортопедии. Её знали и уважали коллеги как специалиста-строителя, архитектора с двадцатилетним практическим опытом. Круг знакомых в городе позволял решать многие проблемы, опираясь на доверие и взаимовыручку. Вместе с тем, поддерживая обширные связи, своему деловому авторитету, своей харизме, Татьяна Павловна была, в первую очередь, обязана личными качествами профессионала.

В начале пятидесятых было решено построить Иркутскую гидроэлектростанцию. Расчёты показали, что образуется водохранилище, которое затопит обширные участки пахотных земель, часть действующей Кругобайкальской железной дороги. При этом уровень Байкала поднимется на один метр, подтапливая при-

брежные населенные пункты. Владыка Палладий обеспокоился тем, что действующий Никольский храм, расположенный в селе Никола на берегу Ангары, и прилегающая единственная дорога будут подмыты. Свято-Никольская церковь более ста лет простояла у самого берега Байкала. Здесь крестились и отпевались целые поколения сибиряков, священники освящали новые постройки судов и благословляли мореходов и рыбаков. И вот теперь храм могли закрыть.

Посоветовавшись с Т.П. Евфратовой, Владыка решил построить храм на новом месте, в соседнем поселке Листвянка. Следует напомнить, что это происходило в пору преследования Церкви властями. Благодаря Божьей воле и энергичной организаторской деятельности Татьяны Павловны, проведшей технико-экономическое обоснование проекта, выбрали очень живописное место, в пади Крестовой. Площадка для постройки располагается в неудобном для ведения хозяйственной деятельности месте, между двух ручьев, даже маленьких речушек, как бы на острове. Поэтому местные власти дали согласие на перенос храма.

Татьяна Павловна руководила проектированием храма, была производителем работ. На нее легли в основном все заботы и трудности, связанные с переносом храма. В 1956 году в храм был направлен священник Иоанн Фокин, прослуживший менее года. Он и стал первым настоятелем. Приход был очень беден, поэтому большая часть средств для выполнения работ по перенесению храма была выделена из общего епархиального фонда. Приход собирал личные деньги. Татьяна Павловна внесла практически все свои личные накопления за много лет, продала дорогую вещь, редкое немецкое пианино, оставшееся в семье от родителей.

Владыка подсказал, что можно использовать материал другого храма, предназначенного к сносу из-за затопления ложа Братского водохранилища. На Ангаре строили каскад гидроэлектростанций. Под воду уходили многие деревеньки и села. Их сносили, сжигали, чтобы всплывающие деревянные конструкции не мешали судоходству по будущему водохранилищу. Прочные лиственничные элементы храма перевезли на берег Байкала, в Листвянку. Работами руководила Татьяна Павловна Евфратова, инженер-строитель. Оказывала помощь своим опытом, связями, специалистами, советами по транспортировке. Важную особенность заметил Владыка Палладий при первой же встрече, и она подтверждалась потом многократно. Татьяна Павловна обладала завидной способностью мыслить широко, масштабно, умела не только анализировать, обобщать, но и прогнозировать, а сей дар — редкость. Она имела стратегический склад ума, — свойство ещё более редкое, бесценное и не сразу обнаруживаемое. Обычно такие люди, обладающие богатством духовным, не любят бывать на виду, искать почестей. Это им даже в тягость. Их славой, их дарованием обычно пользуются другие, рвущиеся к власти, к богатству, постам.

Она любила строительные конструкции из дерева. Любовь к дереву передавалась от отца. От него сохранилось много книг по деревянному зодчеству. Отец учил дочь — такие храмы больше возводятся силой духа. Необходимо подойти к задуманному с душой, и все получится!

Простое перечисление работ, которые легли на плечи этой женщины, поражает требуемой универсальностью умений, специальных профессиональных знаний. Необходимо спроектировать устойчивый фундамент, способный выдержать нередкие байкальские землетрясения. Рассчитать конструкцию в целом, сформировать деревянную часть храма. Спланировать работы по устройству колокольни, кровли и подшивы её свесов, установку купола-маковки храма. Новая постройка

не повторяла конструкцию и декоративное оформление храма в селе Никола. Там храм имел классический вид: с колоннами, ступеньками паперти и т.д. Архитектор выбрала иную конструкцию, исключая повтор. Над почти прямоугольным срубом, четвериком, с незначительными крестообразными выступами стен, возвышается восьмигранный восьмерик, который был увенчан деревянным же небольшим куполом. Предусматривалась колоколенка с островерхим шпилем, маковкой и крестом. На верхнем уровне прорезала восьмиугольные окна. Декорирование фасада храма и колокольни проектировалось заново. Нашлись люди, которые иронизировали по поводу планов Татьяны Павловны, позже они завидовали ей.

Работы по строительству велись народным методом. Господь вёл архитектора, и люди помогали, которых тоже поддерживал Господь. Где-то заготавливали материал, на площадке закладывали сруб, подгоняли деревянные части храма. Затем собирали деревянную часть храма на месте монтажа. На всех этапах строительства можно было видеть Татьяну Павловну в комбинезоне, на строительных лесах и лестницах. Она контролировала выполнение строительных норм на всех этапах работ. Сорокапятилетняя изящная женщина бралась поддержать доску, помогая плотнику, могла забить тяжелым молотком двадцатисантиметровый кованый гвоздь. Для неё стройка стала делом жизни, она любила то, чем занималась. Отец Иоанн Фомин, настоятель, тоже находился на стройке. Активно трудился старейший прихожанин и попечитель храма Федот Иванович Онуфراج. К работам подключались и местные жители, и приезжие иркутяне, не афишируя своего участия. Храм вырос на глазах жителей Листвянки за летне-осенний сезон, первый этап работ закончили осенью 1956 года.

Оставалось решить множество частных вопросов: отопление (печное); электроснабжение. В те времена церковь облагалась властями особыми налогами и тарифами. Так, плата за электроснабжение взималась с храма по десятиставочному тарифу (в десять раз дороже, чем для обычных потребителей) и по четырехставочному позже.

Внутреннее убранство храма потребовало своего архитектурного решения. Татьяна Павловна выбрала светлый цвет стен. Иконостас построен в трех уровнях. Он тоже окрашен в светлый цвет, умеренно структурирован элементами резьбы и имитацией колонн. Иконы для нового храма были переданы из храмов г. Иркутска. Отдельные образа были написаны и освящены еще в середине восемнадцатого столетия.

В народе особо почитается образ Святителя Николая. Народ называет его по-свойски, доверчиво — Никола. Он защитник слабых, несправедливо осужденных, покровитель воинов, путешественников, моряков. Прихожане и посетители храма обращают внимание на большую старинную икону Святителя Николая. Образ напоминает известное изображение Николая Можайского. Святитель изображен на фоне моря и гор с мечом в правой руке и храмом в левой. Есть иконы Святителя Николая, написанные на холсте, также работы XVIII века. В храме имеется большая красивая икона Святителя Тихона Задонского, выполненная уже в XIX веке. Она сохранилась из кафедрального храма Казанской Божьей матери, разрушенного в Иркутске. Есть еще несколько добротных и искусно написанных икон.

В построенный храм с Божьим благословением и молитвами Святителю Николаю был перенесён престол из старой Никольской церкви. По благословению архиепископа Палладия храм вскоре был освящен благочинным иркутских хра-

мов протоиереем Николаем Понамаревым. В Рождественский сочельник в нем была совершена Божественная Литургия. Ее служил новый священник, настоятель храма отец Владимир Георгиевский.

А работы по строительству продолжались. Храм снаружи был обшит деревом, фасад окрашен масляными красками охристого цвета, украшен резными наличниками. Колокольня украшена деревянными подзорами с пропиленной кружевной резьбой белого цвета. На строительство потрачено два года, лишь в 1958 году храм приобрел современный вид.

Рядом с храмом построили дом для священника и уютный небольшой дом с мезонином, хозяйкой которого стала Татьяна Павловна. Она решила реализовать свою мечту — провести остатки своей жизни при храме, служить Богу. Перед православной женщиной открыты большие возможности церковного служения, это и певчая в хоре, и псаломщица, и иконописец. Доступен и ангельский путь, всецело посвящающий себя Богу, — это монашество.

Территорию храма требовалось обнести оградой. Был разработан проект. Это тоже затраты на материалы, оплату работ.

Колокола

На вновь построенной колокольне отсутствовало главное — именно церковные колокола. Использовались суррогаты. По случаю подобраны подходящие по звучанию предметы: рында байкальского корабля, отрезок рельса, ранее созывавший на работу ссыльных и заключенных. Красиво звучал обрезанный на верфи рабочими голубой газовый баллон. Негромко трезвонили ямщицкие валдайские колокольчики.

Татьяна Павловна привлекала приезжих звонарей, просила помочь. Они вежливо посмеивались — на суррогатах... чего-нибудь добиться? Она самостоятельно подбирала мелодии, напоминающие нужный звон, звонила сама, возложила на себя звонарское послушание. Помнила и говорила: «каждый удар колокола отражается в вечности: он слышен и на земле, и на небе». Богослужение начинается с первым ударом колокола. Церковный звон призывает на молитву, выражает торжество, настраивает на церковный день. Поселок слышал призыв, знал, что на продуваемой байкальским ветром колокольне звонит Татьяна Павловна. Спустившись с колокольни, она вставала на клирос.

Однажды в середине 80-х на Байкал в Листвянку приехал молоденький семинарист, попросился пожить, его устроили. Он рассказал, что в Новосибирске возрождается школа звонарей, ею руководит композитор колокольного звона. Грамотный, участвует в конференции по колокольным звонам в Москве. Этот парень попросился на колокольню. Некоторое время перебирал веревки «колоколов», переставил их по-другому. И заигра-а-ал! Жители поселка вышли во дворы, слушали, удивлялись неслыханной праздничной музыке. Спустившись с колокольни, семинарист сказал правильные слова.

— Колокольня как алтарь. Входишь на неё благоговеино. Церковный звон несет проповедь, и это может случиться лишь при живом участии звонаря. Земная Церковь соединяется с небесной. Бог даст, будут и здесь колокола.

Они появились лишь через сорок пять лет. После отъезда семинариста никто так не играл на колокольне.

Приход

Постройка нового храма привлекла внимание жителей поселка Листвянка и окружающих населенных пунктов: пос. Никола, пос. Большая Речка, Порты Байкал, пос. Большие Коты, приезжали верующие из Иркутска и других мест. В Свято-Никольском храме со времени освящения в течение 15 лет священствовал настоятелем протоиерей Владимир Георгиевский. Это пастырь с необычной судьбой, оставивший о себе добрую память. Дед, отец и брат о. Владимира тоже были священниками. Он прибыл в Иркутск из Украины, где окончил историко-филологический факультет Каменец-Подольского университета; затем в 1937 г. — Московский институт иностранных языков. Город попал под оккупацию, а после его освобождения Советской Армией Владимир Георгиевский «автоматически» получил десять лет, которые отбывал в Акмолинских лагерях Казахстана по ст. 58-10. После освобождения, в декабре 1956 г., в возрасте 58 лет Владимир Георгиевский был посвящен архиепископом Палладием в иерея, назначен настоятелем Никольской церкви пос. Лиственичное. Архиепископом

Настоятель Свято-Никольского храма пос. Листвянка протоиерей Владимир Георгиевский с матушкой. 1980 г.

Вениамином он был возведен в сан протоиерея, в котором служил до своей кончины в 1971 г. Это был его первый и единственный приход.

Многие священники Никольского храма, в разное время служившие, с теплотой вспоминают первое знакомство с приходом, практически сельским. Вхождение нового священника на приход требует внимания и поддержки, но это ограниченный период, и обычно он проходит в режиме каких-то особых встреч и событий. Татьяна Павловна умела расположить и поддержать нового священнослужителя, оказывая практическую помощь с обустройством, знакомством и общением с интересными и полезными людьми. А потом, когда устанавливается регулярная церковная жизнь, и постепенно вся она сосредотачивается вокруг служб и совершения треб, мудрая женщина не вмешивалась в частности, освобождала от своих забот.

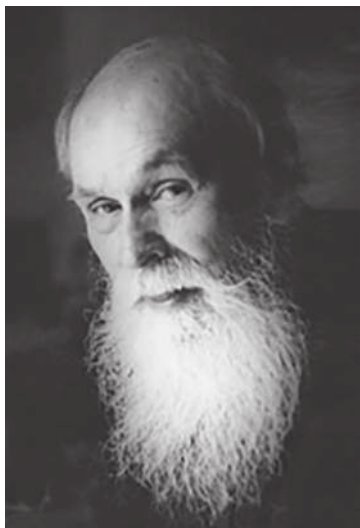
С приездом о. Владимира Георгиевского у Татьяны Павловны появился образованный единомышленник, с которым можно было на равных обсуждать волнующие её вопросы богословия.

Татьяна Павловна уверенно разбиралась в этих глубоких проблемах. Как уже упоминалось, она проработывала множество книг, поступающих от друзей из многих частей страны. Книги дореволюционного издания переписывали от руки, перепечатывали на пишущей машинке. Так можно было получить четыре копии в закладке листов, проложенных копировальной бумагой. Машинистка осиливала перепечатывание двух экземпляров одной книги. Объём отдельных книг превышал две сотни страниц.

Т. Ефратова в конце 80-х.

Татьяна Павловна вела обширную переписку с единомышленниками по всей стране и с зарубежными друзьями. Она легко заводила знакомство с туристами, посещающими Байкал. Однажды, перед праздником, я обратил внимание на большой конверт из Ватикана с печатью Папской канцелярии, в нем было поздравление с Пасхальным праздником. Длительная переписка Татьяны Павловны с профессором, доктором химических наук — специалистом в области технологии минеральных удобрений — Николаем Евграфовичем Пестовым и его супругой Зоей Вениаминовной переродилась в близкую дружбу. Выпускник МВТУ, профессор Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, кавалер ордена Ленина, ордена «Трудового Красного Знамени», награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Н.Е. Пестов был замечательным ученым и одновременно богословом, историком Православной Церкви. Н.Е. Пестов — автор многих трудов философского и богословского содержания. В 50-х годах стали появляться сочинения Николая Пестова как христианского писателя. С 1943 года он работал над фундаментальным двухтомным трудом «Современная практика православного благочестия (Опыт христианского мирозерцания)». Книги Н.Е. Пестова стали настольными для многих верующих людей.

Профессор Н.Е. Пестов.

«Подвижником земли Русской» называли его почитатели, — и это высокое именование не было преувеличением. Написанные в годы советской власти, в период, когда духовную литературу достать было очень сложно, они печатались в самиздате и расходились большими тиражами среди людей, желающих найти свой путь к Богу. Николай Евграфович, уже в очень преклонных годах, посетил в Листвянке Татьяну Павловну. Они наслаждались длительным общением, впитывая дух тихой, гонимой русской святости, на протяжении всей своей жизни собирая ее крупички на быстро оскудевающих церковных полях. Николай Евграфович оставил для своей духовной сестры самиздатские копии своих нравственно-аскетических трудов: «Как творить молитву Иисусову»; «Путь к совершенной радости»; «Христианский брак»; «Что такое пост и как правильно поститься»; «Жизнь для Вечности».

В числе настольных книг с множеством закладок у Татьяны Павловны хранились произведения Феофана Затворника, священника Александра Ельчанинова. Велась обширная переписка со многими современниками, насельниками Троице-Сергиевой лавры: монахом Алипием, архимандритом Макарием, старцем Филадельфом, архимандритом Георгием (Тертышниковым) — они тоже присылали свои труды, и другими. Татьяна Павловна посещала Пюхтицкий женский монастырь в Эстонии, переписывалась с настоятельницей, игуменьей Варварой.

Посещая Листвянку, автор настоящей работы обязательно посещал Татьяну Павловну. Автор хорошо помнит книжный шкаф, изготовленный на заказ знакомым столяром, заполненный книгами. В большинстве это были «самиздатовские» книги, встречались зарубежные издания ИМКА-Пресс. Перебирая литературу в

её книжном шкафу, встречал произведения прошлого: святителя Ильи Миниятия Кефалонитского (греческий автор, издание 1902 г. самиздат), труды о. Павла Флоренского⁵ разных лет, святителя Феофана Затворника (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894 гг.), священника Александра Ельчанинова. Велась обширная переписка с о. А. Менем, от которого получала работы подвижника иеромонаха Серафима Роуза (англ. *Eugene Dennis Rose*), священнослужителя Русской Православной Церкви за границей. Среди них: «Православие и религия будущего» (1975); «Вкус истинного православия» (1978); «Православный взгляд на эволюцию» (1978); «Знамена времени» (1980); «Как сегодня быть православным» (1980); «Душа после смерти» (1980); «Тайны книги Апокалипсис» (1980). Книги епископа Нафанаила — он печатался за границей, в издательстве ИМКА-ПРЕСС, много житийной литературы.

Татьяну Павловну заинтересовал подход о. Серафима Роуза, справедливо критиковавшего «нездоровую наукофобию», часто встречающуюся в православных кругах. Он уверенно подходил к изучению современных научных данных, тщательно отделяя факты от научно-философских интерпретаций. Отец Серафим был уверен в том, что истинная наука не может противоречить богооткровенной истине.

Так формировалась твердость убеждений, самодостаточность харизматической личности Татьяны Павловны, чем объясняется широта и многогранность её внутреннего мира.

Наши отношения

Татьяна Павловна была в приятельских отношениях с моей матерью. Она бывала в нашем доме, а мы с матерью посещали её в доме по адресу ул. Коммунаров, 15. Я любил бывать у неё в гостях. Квартира была в половине старого деревянного дома, состояла из двух комнат. Обстановка сохраняла дореволюционный дух: портьеры на окнах, красивый комод, высокое зеркало, портреты родителей и картина «Христос в пустыне» в искусно изготовленной раме. У стены стояло светло-коричневое пианино немецкой фирмы Отто Гессе с красивыми фигурными подсвечниками. Иногда хозяйка играла для гостей. Здесь она жила не одна, а вместе с племянницей Тамарой, дочерью сестры.

Татьяна Павловна общалась одинаково ровно и со взрослыми, и с детьми. Однажды она обратилась ко мне, десятилетнему:

— Какое у тебя любимое занятие? Ты любишь читать?

— Да, я читаю книги из школьной библиотеки.

— Я познакомлю тебя с большой любительницей чтения, которая поможет тебе выбрать интересные книги. Эту девушку зовут Анечка. Но живет она в больнице для хронических больных. Она будет рада познакомиться с тобой, так как никогда не выходит на улицу.

⁵Флоренский П. Икона // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. М., 1968. № 65. стр. 39-64.

Он же. Дух и плоть // Журнал Московской Патриархии. М., 1969. № 4. стр. 72-77.

Он же. Моленные иконы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. М., 1969. № 9. стр. 80-90.

Он же. Иконостас // Богословские труды. М., 1972. № 9. стр. 83-148.

Он же. Экклезиологические материалы (Понятие Церкви в Священном Писании) // Бого-словские труды. М., 1974. № 12. стр. 78-18

Так я узнал, что Татьяна Павловна шефствует над больными, часто бывает в больнице хроников, приносит подарки к праздникам, помогает врачам в решении бытовых вопросов. Анечка оказалась славной девушкой, нуждающейся в постоянном уходе, у неё был поврежден позвоночник. Она встретила меня приветливо, живо расспрашивала о моей жизни, ей было интересно всё, что происходило за пределами замкнутого мира больницы. Рассказала, что Татьяна Павловна дружит с ней, находит редкие лекарства, новых друзей, и стала её крестной. Несмотря на свою занятость, приносит книги по искусству с красивыми картинками, обсуждает содержание. По просьбе Татьяны Павловны пришел мастер и подключил к кровати Анечки индивидуальные наушники для прослушивания радиопередач. Телевизоров в то время в больницах не было.

Анечка оказалась очень начитанной. Она спросила меня о том, что я уже читал. Дала прочесть сначала «Приключения Робинзона Крузо» (дореволюционное издание, больше я его нигде не встречал, ведь библиотеки держали лишь книгу, «исправленную», точнее искаленную К. Чуковским). Потом получил «Приключения Мюнхгаузена». Я буквально проглотил предложенные книги. Анечка посоветовала прочесть «Трех мушкетеров», пообещала выпросить для меня у своих знакомых другие произведения А. Дюма, Ж. Верна. Мы встречались около двух лет. Я прочел большинство книг серии «Библиотека приключений», которые какие-то добрые люди приносили больной, а она передавала мне.

Потом Анечкина болезнь обострилась, и она скончалась в 22 года.

Татьяна Павловна продолжала наблюдать за мной: при встречах всегда серьёзно интересовалась успехами в учебе, настоятельно советовала окончить среднюю школу. А после выпуска из школы договорилась и устроила на ответственную работу инспектором в Контрольно-измерительную лабораторию Госстандарта. Это её вмешательство в мою судьбу было большим доверием к юности. В лаборатории я прошел испытание делом, освоил теорию и практику измерений, а позже Татьяна Павловна вновь вмешалась, предложила перевестись на работу в серьёзное научное учреждение — Лабораторию службы времени и частоты, где начальником отдела СФ ВНИИФТРИ был известный ученый-астроном Лев Николаевич Надеев, специалист в области геодезии и астрометрии. Л.Н. Надеев первым в Иркутске провел определение параметров вращения Земли с помощью пассажного инструмента. Впервые в отечественной практике применил астролябии Данжона для определения точного времени.

Татьяна Павловна пришла к Л.Н. Надееву вместе со мной, поручилась, рекомендовала юношу. Я познакомился с работой научных сотрудников: астрономов, математиков, инженеров. Незабываемы ночные наблюдения и замеры прохождения групп звезд, эфемерид, с помощью пассажного инструмента, сопровождавшиеся спокойными и ясными объяснениями Льва Николаевича. Полюбил точные науки. Затем я поступил в Иркутский политехнический институт, и окончил его. Во все юношеские годы я чувствовал деликатное, дружеское участие мудрого человека, за что искренне благодарил Татьяну Павловну.

Семья Шиловых. Тайное монашество

У Татьяны Павловны было множество знакомых, но близких, настоящих друзей можно было сосчитать на пальцах одной руки. Длительная дружба свя-

Шилов Николай Васильевич.

зывала её с семьёй Шиловых в течение полувека. Близкие духовные, братские отношения в 50-х годах сложились с Николаем Васильевичем Шиловым, человеком большой души, благородства, человеколюбия, умным и талантливым врачом. Его история замечательна. Он ровесник XX века, родился в 1900 г. в Санкт-Петербургской губернии. Воспитывался в религиозной крестьянской семье. Отец — Шилов Василий Федорович, переехал из села в Петербург, работал поваром по обслуживанию кухни Николая II, с царской семьёй ездил в Крым. По окончании школы Николай Шилов поступил в Военно-Медицинскую Академию (ВМА), однако в революционные годы вынужден был покинуть её из-за религиозных преследований. Николая Шилова обвинили в открыто высказываемых религиозных убеждениях, исключили из ВМА и арестовали,

правда, ненадолго. После освобождения Николай Шилов обратился за советом к Санкт-Петербургскому епископу. Епископ благословил его ехать в г. Ташкент, где в начале 1920-х годов обстановка была более свободная и спокойная. Николай Васильевич продолжил обучение в Ташкентском медицинском институте, успешно окончил его, и выбрал необычную специализацию врача, работающего со страшной неизлечимой в то время болезнью — лепрой (проказой). На вопрос — почему он выбрал себе такую судьбу? — отвечал:

— Из жалости к людям. Несчастнее прокаженных трудно и найти. Все больные изуродованы, заживо гниют, тело в страшных язвах, жуткий запах. И мне захотелось помочь им.

Н.В. Шилов стал главным врачом лепрозория в г. Кзыл-Орде. В настоящее время проказу излечивают современными методами. В конце 40-х врачи этого делать не умели, но могли облегчить существование больных⁶. Все боялись проказы. Доктор Н.В. Шилов ввел строгий порядок в своем медицинском учреждении. Рабочий день начинал с коллективной молитвы, в которой участвовали врачи, некоторые больные, даже казахи. Попытки властей устроить множественные проверки и сместить верующего врача с должности ни к чему не привели — не нашлось желающих её занять, опекать больных. Лепрозорий работал образцово. Комиссии слышали от больных проказой самые хорошие отзывы о деятельности Николая Васильевича. Тем не менее, из Средней Азии врач вынужден был уехать в Иркутск, где открылся новый лепрозорий в пригороде Лисиха.

Друг семьи Шиловых (и Т.П. Евфратовой), Владимир Николаевич Щелкачев, известный советский ученый и педагог, доктор наук, профессор, исследователь проблем нефти и газа, лауреат Сталинской премии, глубоко верующий человек, вспоминает: «При поступлении на работу врачом в больницу г. Иркутска, Нико-

⁶Раньше больной проказой поступал в лепрозорий навсегда, возврата домой не было. Некоторые сходили с ума от отчаяния. Российский врач Н.М. Голощапов научился лечить леп-ру. Нашел причину возникновения заболевания, создал эффективные препараты — иммуномодуляторы с антимикобактериальной активностью. Лепра сегодня стопроцентно излечима, независимо от стадии заболевания.

лай Васильевич оговорил, что он не будет работать в дни религиозных праздников, компенсируя пропуски сверхурочной работой в другие дни. Главврач выказывал неудовольствие по этому поводу, но добросовестное отношение Николая Васильевича к своим обязанностям обеспечило ему продолжение работы в больнице». Н.В. Шилов близко дружил с протоиереем Крестовоздвиженского храма о. Феофилом (Феофил Флегонтович Сизой). Это был очень уважаемый прихожанами пастырь. Поздравляя о. Феофила с Рождеством, доктор подарил свою фотографию и написал на обороте: «Дорогой батюшка, я очень люблю Ваши ранние службы с теплым светом свечей, пением нашего хора».

Т.В. Шилова, сестра Н.В. Шилова. В иночестве Таисия, в монашестве Феодосия. Близкий друг Татьяны Павловны.

Татьяна Павловна поддерживала дружеские отношения с сестрой Николая Васильевича, фронтовичкой Татьяной Васильевной Шиловой, работавшей врачом-педиатром. Их церковная дружба длилась более полувека. Т.В. Шилова часто приезжала в Листвянку, после выхода на пенсию переехала в поселок, стала жить рядом с духовной подругой. В Листвянке образовалась небольшая община, через некоторое время ставшая монашеской. Руководителем общины становится та, кто была сильнее духом. Татьяна Павловна первой приняла тайный иноческий постриг. После смерти мужа она приняла решение посвятить себя Господу Христу.

При советской власти человеку трудно было жить так, как ему хотелось бы, выбрать свой образ жизни. С детских лет с ним работали специалисты по «коммунистическому воспитанию» — принимали в октябрюта, пионеры, в комсомол, профсоюзы рассматривались как школа коммунизма. Коммунистическая партия контролировала все аспекты существования советского человека. Религиозные организации рассматривались как враждебные, и с ними велась целенаправленная борьба. Такое объединение, как монашеская община, считалось властями особо опасной организацией, так как она жила замкнутой жизнью, происходящее среди её членов было сложно контролировать. И, несмотря на опасность преследований, всегда находились верующие люди, которые хотели жить именно монашеской жизнью, посвятив себя Господу. Но монастыри закрыли, репрессировали духовников-священников, многих уничтожили. Монашеская жизнь приобрела особую форму — тайное монашество.

Крепкие в вере были убеждены в том, что есть другая жизнь — жизнь души, которая протекает хоть и в некоторой зависимости от жизни земной, однако, по своим духовным законам. Счастливой и полноценной могла быть жизнь, построенная по законам духовным, по заповедям Христа. Формировались тайные общины, в которые объединялись духовные единомышленники. Члены общин, а в большинстве это — женщины, не вели общежительного монастырского жития, а строили индивидуалистический, келлиотский, вынужденно замкнутый в кельях мир вне монастырских стен. Тайно принявшие постриг не носили монашеской одежды. Возникло правило: черный платок в храм не надевать, даже на праздник, даже дома апостольник не носить, монашеским именем не называться и на испо-

веди, не оглашать его даже пред Святой Чашей. Тайный постриг требует соблюдения тайны до смерти. Монашествующие не проявляли во внешнем обществе своих убеждений. Проводили идею тщательной бытовой маскировки и полностью сливались с прихожанками. Духовники монахинь, старцы, советовали «монашествовать в сердце», а не «перед людьми».

Монашествующие в миру выполняли работу по специальности. Однако избегали общественных мероприятий, стремились не проводить время праздно под предлогом отдыха, лечения и др. Тайные иноки и монахи рассматривали любую работу как монастырское послушание. Где бы они ни трудились — в больнице, научном учреждении, в конструкторском бюро — работа рассматривалась как послушание, которое исполняется ради Бога.

Так, очень крупный фтизиатр, мать Игнатия (Пузик), работала в туберкулезном институте.

Варвара Васильевна Чёрная, советский учёный-химик, инженер, была монахиней в миру под именем игуменья Серафима. В.В. Чёрная — один из разработчиков космического скафандра, она получила правительственные награды за изобретение технологии латексного производства. Уже после советской действительности стала настоятельницей Новодевичьего монастыря в Москве, служила пять лет.

Многие выдающиеся люди монашествовали в миру, выполняя ответственной-ую работу, получая высшие награды страны за свой труд.

Алексей Алексеевич Ухтомский, бывший князь, в миру русский и советский физиолог, академик Академии наук СССР, был одновременно иеромонахом и епископом Андреем. Изучая работу мозга, создал новое учение о доминанте. В 1932 году А.А. Ухтомский награждён Ленинской премией.

Замечательный русский хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, доктор медицинских наук, профессор, выбрал монашеский путь под именем Лука, стал епископом Русской Православной Церкви. С этого пути его не смогли увести тяжелейшие преследования, пытки, ссылки в северные лагеря Архангельского и Красноярского края, работа в Средней Азии. Валентин Феликсович хорошо сформулировал в одном письме: «На допросах меня не раз спрашивали: «Кто Вы — наш друг или враг?» Я всегда отвечал: «И друг, и враг. Если бы не был христианином, то стал бы коммунистом. Однако Вы ведете гонение на христианство, и потому, разумеется, я Вам не друг». За разработку уникальных хирургических способов врачевания гнойных ранений и заболеваний был удостоен Сталинской премии первой степени в двести тысяч рублей. 130 тысяч рублей врач передал детским домам.

Крупный исследователь античности и эпохи Возрождения Алексей Федорович Лосев тайно принял монашеский постриг вместе с женой. В постриге супруги Лосевы были наречены Андроником и Афанасией. А.Ф. Лосев был приговорён к десяти годам лишения свободы, тяжело работал на строительстве канала. Лосев до самой смерти носил подобие монашеской скуфьи.

Путь тайного монашества весьма труден, требует особых качеств — умения сохранять свои духовные убеждения и одновременно уклоняться от официальной идеологии, сторониться суеты мира, уберечься от тщеславия, проявлять придирчивую собранность. Монашеская тайна раскрывалась только после смерти, во время похорон, и то далеко не всегда. В наше время представители Церкви не одобряют тайное монашество.

Татьяна Павловна Евфратова повседневную жизнь рассматривала как послушание, она готовила себя к принятию монашества. Пришлось посоветоваться с правящим архиепископом Палладием. Владыка, прошедший ссылки, не соглашался на пострижение в инокини. Вскоре он переехал к новому месту службы. На Иркутскую кафедру прибыл в 1958 году новый епископ, вернувшийся из двенадцатилетнего пребывания в лагере Колымы. Владыка Вениамин (Новицкий) был другим, это был духовный старец, епископ, воспитанный в монастыре, святой человек. Он многое испытал, и, как опытный монах высокого уровня духовности считал, что сохранить монашеские обеты в сложившихся в то время условиях затруднительно. Он отговаривал желающих, не давал разрешения на пострижение. Уважая горячее стремление Татьяны Павловны к иночеству, прошедшие испытания, уверенность в способности выполнять монашеские обеты, Владыка не соглашался дать ей свое благословение на тайный иноческий постриг.

В 1974 году в Листвянку был направлен служить архимандрит Мартирий (Турчевский Виталий Никитович). В 1970–1974 годах он обучался в Ленинградской духовной академии. Защитил диссертацию на тему: «Нравственный смысл монашеских обетов» и получил степень кандидата богословия. Для него монашеская жизнь в приходе Свято-Никольской общины была желанна. Духовный отклик нашли чаяния православных сестер прихода.

*Игумен Мартирий (В. Н. Турчевский),
настоятель Свято-Никольского храма
пос. Листвянка в 1974–1976 г.г.*

Игумен постриг некоторых из них в период 1974–1976 г.г. в инокини тайно, по-другому было нельзя. Точное время пострига автору установить не удалось, ведь православное монашество сокровенно, не спешит открывать своих тайн.

Исполнилось, наконец, заветное желание Татьяны Павловны, к которому она готовилась не один год, она стала инокиней. Её духовная сестра Татьяна Шилова тоже приняла постриг, но значительно позже, стала инокиней Таисией. Постепенно приняли постриг еще несколько женщин, ставших тайными монахинями. Они носили светскую скромную одежду, под которой скрывался монашеский параман, использовали четки. Черную рясу, апостольник и кlobук надевали, лишь встречаясь между собой.

В небольшую общину входили: Анна Капитоновна Кочкина, вела хор в храме Валентина Ивановна (позже инокиня Васса), Татьяна Васильевна Шилова (в монашестве Феодосия), мать Ксения (в иночестве Олимпиада) и др. В Листвянскую общину приезжали помолиться инокини и монахини Иркутского Знаменского женского монастыря и давние подруги Татьяны Павловны: Лидия Васильевна Щапова, руководитель хора Крестовоздвиженского храма (монахиня Дионисия), Екатерина Ефимовна Евтихеева (монахиня Евфросиния, позже схимонахиня Елисавета) и др. Возможно, тайных монахинь в Листвянской общине было больше, но их статус и имена остались неизвестны.

Как строилась жизнь тайно принявшей постриг? Её кельей стал домик рядом с храмом, там она жила одна. У неё на устах всегда были слова из Евангелия и молитв. Обычно в так называемое «монашеское правило» включают три канона с акафистом. Иногда прибавляют к этому чтение кафизмы и нескольких глав Священного Писания. Особенностью монашеского правила является «Пятисотница» (чтение пятисот Иисусовых молитв) с поясными и земными поклонами. Келейное правило назначается настоятелем или духовником персонально. Келейное правило — индивидуальный путь духовного самосовершенствования.

В 60–70-х годах XX века руководство страны последовательно вело линию на бескомпромиссную борьбу с религией. Для священнослужителей создавались невыносимые условия служения. Они были отстранены от решения текущих дел храма, так как считались наемными сторонними служащими, которых нанимает (или увольняет) церковный совет, двадцатка. Священник становился практически бесправным, облагался непосильным налогом. В сентябре 1959 г. уполномоченный по делам религий И. Житов настоял на том, чтобы архиепископ Вениамин дал обещание «с октября не давать дотацию приходам в п.п. Лиственичное, Суетиha и с. Верхолeнск». Было предложено прекратить оказывать материальную помощь духовенству и церковным служащим из церковных средств в форме денежных ссуд и пособий. Церковь с. Верхолeнск не смогла существовать без финансовой помощи, она была закрыта решением Иркутского облисполкома в 1961 г.

Служить и выживать в поселке Листвянка, в малом приходе, стало практически невозможно. Вениамин был весьма озабочен бесправием священников, однако возможность оказывать поддержку становилась весьма ограниченной. Население, конечно, помогало своим священникам, но это был случайный, нестабильный доход. В храм подсылали тайно наблюдающих, следящих, шпионящих за священнослужителями и прихожанами. Устраивались опасные провокации и открытые преследования.

После кончины о. Владимира Георгиевского приход некоторое время был вдовствующим, и службы проходили нерегулярно. Священники приезжали, служили год или два, затем их переводили в другое место, мотивируя просто — «что-

бы не обрастали связями в обществе». Начиная с 1972 года в Свято-Никольском храме служили: около двух лет — протоиерей Владимир Шарунов, затем настоятельством священник Иоанн Михайлов, который усердно собирал и составил историю Свято-Никольского храма. Затем настоятельствовали: о. Сергей Козлов, о. Иаков, игумен Мартирий Турчевский с 1974 г., а с 1976 по 1987 год настоятелем храма был о. Геннадий Яковлев.

В 1989 году настоятелем Свято-Никольского храма назначили протоиерея Николая Обухова, и здесь он прослужил более 30 лет. Господь привел его в Листвянку, на Байкал, с далекого запада страны. Это был первый приход, он получил его в зрелом возрасте. После рукоположения

Настоятель Свято-Никольского храма иерей Владимир Шарунов и Т.П. Евфратова с внучатым племянником. Фото 1972 г.

пятидесятилетнего батюшку сразу направили служить самостоятельно. Обычно неопытный священник практикуется в течении сорока дней, совершая службы со священником-наставителем, имеющим большой опыт. В его случае наставника не было, сложно было с кадрами в епархии. И здесь существенную и деятельную поддержку, определяющее влияние на его судьбу, было получено от Татьяны Павловны. Грамотное просветительство, даже доброжелательное менторство, во многом благоприятствовали благополучному служению священника Николая. *«С преподобным преподобен будеши <...> и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися».* (Пс.17:26-27).. В тяжелое для Церкви время пришел отец Николай служить, но крепкая община относилась к переменам как к испытаниям. Сегодня прихожане так отзываются о своем протоиерее: «Способность располагать к себе людей, искренность и доброта, высокая человеческая порядочность во всех делах и помыслах помогли отцу Николаю укрепить приход, увеличить церковную общину, возвысить силу и мощь слова Божьего».

Однако со временем к материальным трудностям прибавились болезни. Татьяна Павловна стала жаловаться на болезнь ног. Иркутские врачи не смогли ей помочь. Она обращалась к специалистам из других медицинских центров. Болезнь прогрессировала. Но матушка была оптимистична, стала ходить в храм с палочкой. Превозмогая боль, она мужественно отстаивала службы. Через полгода пришла в храм на костылях, стала сидеть на службах. При этом проявляла активность: встречалась с приезжающими гостями, вела беседы и переписку, пела в церковном хоре. Глубокое знание всех движений души человека, её духовных потребностей, опытное знакомство с духовной жизнью, обширные познания в области Священного Писания, и творений святоотеческих, позволяло матушке давать мудрые наставления нуждающимся в них.

Т.П. Евфратова в 1988 г.

Монахиня Ксения (Кочкина)

Однажды она оступилась, подвели костыли, сломалась нога. Но для неё было невозможно пропускать важные церковные события. Стала просить, чтобы её приносили в храм на праздничные службы. Лишь однажды пожаловалась автору: «Я смертельно устала, иногда усталость заливает душу, но я спокойна, Господь меня не покинет, Николай угодник поможет». Её чистое, строгое лицо освещала слабая улыбка. Стоически перенося недуг, больная нуждалась в постоянном уходе.

Посильную помощь оказывали верные сестры — престарелая матушка Феодосия не отходила от её постели, пока сама не слегла. Монахиня Ксения благодетельствовала, оказывала поддержку, разделяя с ней тяготы болезни. Но престарелые сестры во Христе не могли оказывать полноценную помощь, они сами нуждались в помощи родных.

В какое-то время престарелые помощницы не смогли быть рядом с больной. Об этом узнала немолодая, но энергичная давняя знакомая Татьяны Павловны, Екатерина Ефимовна Евтихеева (монахиня Евфросиния). Она организовала переезд болящей под крышу своего частного дом в пригороде Иркутска. Здесь был обеспечен необходимый минимальный поддерживающий уход. Лежачий больной требует каждодневного внимания и профессиональной заботы, это очень тяжелый труд. Мать Евфросинья с полным самопожертвованием и самоотдачей выполняла требуемые процедуры как иноческое послушание: мыла, кормила, убирала. «Николай Угодник помог» — поясняла женщина, чтившая этого покровителя страждущих.

Последнее пристанище

Татьяна Павловна прекрасно понимала, что смертельно больна. Сохраняя нескрушимую силу духа, она оставалась примером того, как нужно ценить жизнь. Всю свою непростую жизнь считала, что уныние — грех, матушку же оно никогда не посещало. Она и в болезни вела непрекращающуюся молитвенную жизнь с Господом, о чем свидетельствовали её тихие и смиренные слова, наполненные теплой и светлой силой, с покорностью воле Божией принимала она испытания.

В 1990 году ушла из жизни эта необыкновенная душа, много пострадавшая сама, много любившая, беспокоившаяся за других и молившаяся за всех! Смерть несколько не изменила ее. Она лежала благообразная, со спокойным умиротворенным лицом. Смерть расправила черты лица, сняла с них выражение озабоченности, ожидания, вопроса и всякую земную печать.

Почтить ее память собрались не только близкие сестры, священники, журналисты и писатели, многие люди, которые сохранили в сердце добрую память об усопшей. Весть о её кончине быстро дошла до людей. Многие пришли проститься с ней: из соседних селений и из Иркутска. Говорили о том, что без ее духа самопожертвования останется пустота, которую будет трудно заполнить. Отмечали, что многие пришли к Богу благодаря ее сострадательному сердцу и доброму слову о вере и Церкви. Архиепископ направил священников для совершения отпевания. Люди плакали искренне, потому что понимали, кого хоронят, вспомнили и осознали потерянное. Трепетали свечи, и, поглядывая по сторонам, я видел, что люди плачут и всхлипывают: к кому теперь они пойдут, к кому обратятся?

Гроб жители Листвянки до кладбища несли на руках. Храм, которому она отдала значительную часть своей жизни, сопровождал похоронную процессию медленными, размеренными звуками колокольной. Татьяна Павловна не дождалась настоящих колоколов для храма, но верила, что они там обязательно появятся. Колокола освятили и повесили через двенадцать лет после её кончины.

Могила почившей находится на высоком берегу Байкала, кладбище расположено над поселком, с этого места хорошо виден храм в Крестовой пади. Ее поминуют здесь на каждом богослужении: «... помолимся за благодетелей и строителей

храма сего...». Люди должны помнить, что именно ее стараниями и трудами был спасен и воссоздан храм в Листвянке, которому грозило окончательное уничтожение. С огромным усердием, вкладывая все свои силы и знания, материальные средства, трудилась она единственно ради спасения храма. Здесь останки благочестивой женщины будут покоиться до конца времен и всеобщего Воскресения. Прихожане Свято-Никольского храма утверждают: «Об этом человеке еще будут писать книги!». Матушка оставила в сердцах христиан Иркутска и Восточной Сибири, и за её пределами о себе добрую память православного проповедника и духовного наставника.

Долг нас, живущих, — усердно молиться об упокоении всех, кто отошел в жизнь вечную. Вечная и благая память!